

Предвидя, вероятно, такой вопрос, Е.И. Рерих в своих письмах писала: «Скажите, что ему просто будет легче жить».

Даже та часть людей, которая озабочена только вопросами своего здоровья, находит ответы на них в Учении. А стремящиеся же осознать смысл жизни, пути роста сознания, задачи человека в эволюции открывают для себя глубоко научные сведения.

В.Д. Шмелев
Екатеринбург

ОБРАЗЫ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, В.С. СОЛОВЬЕВА И Л.Н. ТОЛСТОГО

Отношения между наукой и религией в каждый исторический промежуток развития социума представлены особой парадигмой. В истории Европы и России было время, когда религия безраздельно властвовала над поведением и умами людей. Священнослужители регулировали жизнедеятельность каждого индивидуума, начиная с его рождения и кончая смертью. Научные истины не допускались даже на порог, а их носители подвергались гонениям и остракизму. В эпоху господства командно-административной системы в нашей стране мы встречаем прямо противоположную ситуацию. Религия была объявлена опиумом для народа, которую следует всячески искоренять и заменить ее марксизмом как научным мировоззрением. Наука стала претендовать на главную руководящую роль даже в повседневном бытии. К чему это привело — общеизвестно, к краху идеологии воинствующего атеизма. Теперь уже каждому ясно, что и первый и второй сценарии не жизнеспособны, что это были самые крайние и взаимоисключающие полюсы. Религия и наука обречены существовать вместе и по мере возможности стараться гармонизировать свое сожительство. На этапе вступления в третье тысячелетие гармонизация отношений этих двух форм общественного сознания — категорическое веление.

То, что отношение между наукой и религией должно быть пересмотрено и отрегулировано, осознали многие лучшие умы человечества еще в период острого противостояния этих двух форм духовной деятельности. Самые древние попытки внести изменения в существующий статус-кво зафиксированы уже в поздней схоластике и при выходе в свет трудов Фомы Аквинского. Про-

должаются они и поныне. В России особо актуальной становится эта проблема после отмены крепостного права. В нарождающемся новом обществе настоятельно потребовалось переосмыслить место и роль науки и религии. Такую задачу поставили перед собой различные течения русской философской мысли. Среди них особо нужно выделить сторонников либерального подхода, которые ратовали за установление благотворного соотношения религиозных образов и научных представлений. Представители других течений не внесли заметной лепты в процесс урегулирования.

Либеральное течение было неоднородным. В нем четко обозначились три главные фигуры, которые получили в среде российской интеллигенции широкое признание и высокую оценку. Пожалуй, наибольшим пиететом пользовалось творчество Ф. М. Достоевского. Описывая вклад последнего в решение стоящей проблемы, Д. С. Мережковский писал: «Не в отвлеченных умозрениях, а в точных достойной современной науки опытах над человеческими душами показал Достоевский, что всемирно-историческая работа, начавшаяся с Возрождения и Реформации, работа исключительно-научной, критической, разлагающей мысли, если не завершилась, то уже завершается, что эта «дорога вся *до конца* пройдена, так что дальше идти некуда», что не только Россия, но и вся Европа «дошла до какой-то окончательной точки и колеблется над бездною»¹.

Выход из создавшегося положения Ф. М. Достоевский видел в любви ко всему живущему, в сохранении и развитии иноческой формы служения Всевышнему. Именно она — хранительница высшей ступени православного бытия, духовного лика Божьего и Его правды. У русских иноков, по мнению писателя, жизнь протекает исключительно свято, так как они целиком посвящают ее исполнению Христовых заповедей. Только такой «иноческий путь» — путь уединения, послушания и отбрасывания всех других потребностей может дать позитивный результат: позволит утвердиться в истинной духовной жизни. На Западе, пишет он, руководствуются наукой, «а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого, отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласили мир свободы, в последнее время особенно, и что же мы видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство»². Писатель убежден, что лишь при том ус-

ловии, что духовная религиозная жизнь получит в России достаточно широкое распространение, улучшатся условия и для бурного развития науки, экономики и других сторон социума. Русский народ займет подобающее место среди всех народов земли, установится братство и подлинная свобода. Мысль об исторической миссии россиян в деле достижения всеединения, всепримиримости, всечеловечности, как верно отмечает В. И. Копалов, проходит красной нитью через все творчество великого мыслителя³.

Большой резонанс в русском пореформенном сообществе получили также идеи В. С. Соловьева, выступившего с собственной программой благотворного сочетания религии и науки. Анализируя положение дел с этими духовными сферами в странах Западной Европы, этот русский философ писал, что под напором научного знания и политических потрясений «старое религиозное мировоззрение утратило всякий действительный смысл для большинства образованных людей... а в массах превратилось в безжизненное исключительно на бытовой привычке основанное суеверие»⁴. Пальма первенства в постижении абсолютного перешла от религии к философии. Богатство мира в философии Гегеля — вершине европейской мысли — свелось к простому понятию. Творцом действительности предстал познающий субъект. А в философии Фейербаха Бог превратился в обычного человека. Духовная жизнь Запада вступила в полосу кризиса. Преодолеть последний, по убеждению В. С. Соловьева, вполне возможно. Для этого достижение «*универсального синтеза* науки, философии и религии,— первые и далеко еще несовершенные начала которого мы имеем в философии сверхсознательного,— должно быть высшей целью и последним результатом умственного развития»⁵. Только тогда наступит настоящая гармония между обеими духовными сферами. На земле воцарится вселенская теократия, что приведет к формированию Богочеловечества.

Если Ф. М. Достоевский искал литературными средствами пути к гармонизации религии и науки через глубокое проникновение во внутренний мир человека, а В. С. Соловьев через тщательное исследование всей предшествующей философской мысли, то Л. Н. Толстой выбрал свою оригинальную дорогу. Он обратился к непосредственному анализу мировых религиозных учений. С его точки зрения, «религиозные и философские учения всех народов, за исключением философских учений псевдо-

христианского мира, все, которые мы знаем: иудаизм, конфуцианство, буддизм, браманизм, греческая мудрость,— все учения имеют целью устройство жизни людской и уяснение людям того, как каждый должен стремиться к тому, чтобы быть и жить лучше»⁶.

Под этим углом зрения великий певец земли русской и подходит к характеристике науки и религии. Все науки он подразделяет на две сферы: 1) науки, базирующиеся на опыте и отыскивающие основные причины явлений живой и неживой природы; 2) науки социальные, политические, исторические, исследующие главные грани людской жизни. Когда опытные науки отходят от своего предназначения и берутся за рассмотрение конечных причин, например, за определение смысла человеческой жизни, то из этого получится просто чепуха. Для подтверждения своих слов Л. Н. Толстой ссылается на теорию Ч. Дарвина о происхождении и развитии живых организмов. «Дарвина,— пишет он,— считают философом, мудрецом, открывшим важный закон. А между тем, весь закон его состоит в том, что он вместо: *для чего?* сказал: *почему?*»⁷. Вопросы же: зачем я живу, что мне делать, связанные с уяснением смысла нашей жизни, остались в этом учении без ответа. Вообще опытная наука никогда не сможет ответить на такие вопросы, поскольку объять бесконечное и вечное опытными средствами невозможно.

Науки социальные тоже не в состоянии разрешить эти важнейшие проблемы человеческого бытия. Русский мыслитель дает критическую оценку социологическому учению О. Конта, претендовавшему на объективную интерпретацию социальной действительности. Современные люди, указывает Л. Н. Толстой, думают, что «только социология, основанная на биологии, основанной на всех позитивных науках, может дать нам новые законы жизни человечества. Человечество как общества человеческие суть организмы, готовые или еще образующиеся и подчиняющиеся всем законам эволюции организмов»⁸. Но это учение об обществе как живом организме оправдывает разделение труда на умственный труд и труд физический, а также расслоение людей на богатых и бедных. Иначе говоря, оно обслуживает интересы власть имущих. Вопросы же праведной жизни каждого отдельного человека, его стремлений к лучшему бытию, остаются в нем без ответа. И только философия, как самая умозрительная из на-

ук, имеет в своем ведении вопросы о бесконечном и абсолютном. Но и она, заявляет русский мыслитель, если очень строго подходит к построению своих учений, приходит к однозначному ответу: не знаю. Думается, что Лев Николаевич ссылается здесь на знаменитое высказывание Сократа.

Единственно возможное решение проблемы смысла человеческой жизни, по мнению Л. Н. Толстого, лежит лишь в сфере религии. Не на путях знания, а на путях веры можно прояснить эту вечную и кардинальную проблему. Научный подход здесь бесполезен. Правда, в том виде, в котором существует современная христианская религия, она, по убеждению писателя, не справляется с возложенной на нее миссией. Нынешнее христианское вероисповедание отягощено средневековыми пережитками и извращено в угоду церковной верхушки. Разве может образованный человек считать достоверным, что для приобщения к учению И. Христа необходимо вкушать от Его тела и пить Его кровь. Это чистой воды каннибализм. Вера в этой религии всего лишь доверие. «И это-то доверие,— подчеркивает яснополянский дворянин,— назвав его верою, мы возводим во что-то священное и всеми средствами — насилием, действием на чувства, угрозами, лестью, обманом,— заманиваем к этому ложному доверию»⁹.

Сам по себе тезис, что существующее официальное христианство извращено,— не есть, разумеется, изобретение русского мыслителя. Собственно, об этом же писали еще Вольтер, Ж.Ж. Руссо, И. Кант и другие европейские и русские философы. Но ни один из них не обратился непосредственно к главной святыне христианства — Библии, чтобы доказать свои утверждения. Л. Н. Толстой предпринял столь грандиозное действие. Он осуществляет новый перевод четырех Евангелий и показывает, что весь, по его выражению, «псевдохристианский» мир не следует в своей деятельности заповедям Спасителя. Отсюда и проистекают все беды нашего бытия, наполненного не стремлениями к добру, а злыми помыслами. Преодолеть зло в мире должна помочь истинная религия. Основы ее поведал нам Иисус Христос в своих проповедях еще в далеком прошлом. Однако мы до сих пор не следуем его учению.

Шаг за шагом, подробно разбирая почти каждое значимое положение Евангелий, русский мыслитель показывает гуманистический смысл Христовых заповедей. Он утверждает, что учение

Иисуса Христа просто и доступно для понимания каждому разумному индивидууму. Но люди отвернулись от него и предпочитают руководствоваться в своей жизни различными соблазнами. Церковь же, вместо того, чтобы разъяснять Христовы истины, к чему она предназначена, занимается совершенно другими делами: исполнением никому не нужных таинств. Она сама стремится сохранить и приумножить человеческие соблазны. «...Самый лютейший соблазн,— подчеркивает Л. Н. Толстой,— учителей веры, называющих себя православными. Берегитесь этого соблазна более всех других, потому что они-то, эти самозванные учителя, придумав ложное богопочитание, отманывают вас от истинного Бога»¹⁰.

Жизнь в Боге — смысл жизни каждого человека и всего человечества. Когда люди изменяют языческое жизнепонимание на Христово жизнепонимание, тогда-то и наступит подлинная гармония между религией и наукой. Каждая из этих духовных сфер будет выполнять свое земное предназначение.

¹ Мережковский Д. С. Творчество Л. Толстого и Достоевского // Полн. собр. соч.: В 28 т. М., 1914. Т. 10. С. 188.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1991. Т. 9. С. 352.

³ См.: Копалов В. И. Курс лекций по русской философии истории. Екатеринбург, 2005. С. 53.

⁴ Соловьев В. С. Кризис западной философии // Собр. соч.: В 8 т. Брюссель, 1966. Т. 1. С. 121.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Толстой Л. Н. В чем моя вера // Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 23. С. 379.

⁷ Толстой Л. Н. Философский дневник. 1901—1910. М., 2003. С. 154.

⁸ Толстой Л. Н. О переписи в Москве // Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 25. С. 330.

⁹ Толстой Л. Н. В чем моя вера. С. 410—411.

¹⁰ Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 24. С. 896.